

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

БОЛТИК

Владислав Крапивин

Болтик

«Автор»

1979

Крапивин В. П.

Болтик / В. П. Крапивин — «Автор», 1979

Каким невероятно насыщенным и интересным был этот день у Максима Рыбкина! Он успел исполнить сольную партию в хоре, предотвратить пожар, поранить ногу, познакомиться с самым настоящим летчиком... Такое просто невозможно забыть!

© Крапивин В. П., 1979

© Автор, 1979

Содержание

Вишневая пилотка	5
Полет	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владислав Крапивин

Болтик

Вишневая пилотка

– Чудовищный кошмар, а не ребенок, – безнадежно сказала мама. Ты доведешь меня до сердечного приступа, а сам простудишься насмерть.

«Чудовищный кошмар», третьеклассник Максим Рыбкин, пыхтел рядом с дверью, у полки с обувью. Он застегивал новые сандалии.

Старший брат, девятиклассник Андрей, крутился у большого зеркала: расчесывал маминим гребнем отросшую гриву. Он успокоил:

– Если простудится, то, может, не насмерть. Может, похлюпает носом, почихает и выживет.

– Сумасшедший дом, а не семья, – сказала мама. – Одного не загонишь в парикмахерскую, другой делает все, чтобы схватить воспаление легких... Игорь! Скажи хоть что-нибудь!

Папа высунулся из комнаты. В одной руке он держал отвертку, в другой электробритву. От бритвы едко пахло горелой изоляцией. Половина папиного лица была блестящая и гладкая. На другой половине искрилась от коридорной лампочки светлая щетина. Папа захотел узнать, что случилось.

Что случилось? Их ненаглядный сын хочет уйти из дома раздетым. А на улице всего семь градусов!

Максим наконец справился с застежками и распрямился.

– Семь было в шесть часов. А сейчас уже согрелось.

– Ты хочешь моей гибели, – грустно сказала мама.

– Максим, – внушительно произнес папа, – ты – будущий мужчина и должен уступать женщинам в споре.

– Но если я уступлю, на кого я стану похож?! Вся форма изменится, и я буду как из пасти бегемота вынутый!

– Ах, как изящно? Сын интеллигентных родителей?.. Игорь, почему ты улыбаешься? Между прочим, когда среди родителей нет согласия, из детей вырастают правонарушители.

– Выходит, я почти готовый правонарушитель, – жизнерадостно заметил старший брат Андрей.

– По крайней мере, внешне, – сказала мама. – Длинноволосый гангстер из Чикаго.

– Пожалуй, что-то есть, – снисходительно согласился Андрей.

– Оставь в покое мой гребень, – велела мама и снова повернулась к Максиму: – Я уверена, что все дети придут на студию в пальто или куртках.

– Не придут. А если придут, им не так важно. Они в ряду стоят, и незаметно, если помятые. А я впереди, у самого... ми... крофона...

Последние слова Максим произнес угасшим голосом. Потому что взглянул на брата.

Андрей стоял к Максиму спиной, но его отражение смотрело на младшего братца ехидно и выразительно. Сейчас скажет: "Оставьте в покое нашего солиста! Ему нельзя нервничать, а то он в самый важный момент вместо ноты «си» возьмет ноту «до».

Ух, слава Богу, не сказал. Только хмыкнул. Максим торопливо объяснил родителям:

– Сами же станете говорить, что неряха, если увидите на экране, что я мятый.

– Не лишено логики, – заметил папа.

– А ну вас, – сказала мама. – Пусть идет хоть голый. Не ребенок, а варвар.

Андрей наконец убрался от зеркала, и Максим скользнул на его место.

Какой же он варвар? Варвары косматые, немытые, страшные, вроде разбойников. А он вполне симпатичный человек. Вообще симпатичный, а в новой форме – особенно.

Форма темно-красная, а точнее – вишневого цвета, жилетик с латунными пуговками – тугой в поясе и свободный в плечах – оставляет открытыми белые рукава и воротник рубашки. Легонькие штаны отглажены так, что торчат вперед складками, словно два топорика (а ноги у Максимки – как тонкие длинные рукоятки у этих топориков – еще незагорелые, светлые, будто свежеструганное дерево). На ногах красные сандалии. И носочки тоже красные. Форму недавно выдали в ансамбле, а обувь купила мама. Потому что Максим будет стоять впереди хора, и все на нем должно выглядеть как с иголочки.

Все пока так и выглядит. А лучше всего пилотка. Тоже вишневая, из тонкого сукна, с белыми кантами на верхних швах и вышитыми серебром крылышками на левой стороне. Потому что младший хор в ансамбле называется «Крылышки».

А все вместе – два хора, два оркестра и танцевальная группа называется так длинно, что сразу и не запомнишь: «Детский музыкально-хореографический ансамбль Дворца культуры имени Чкалова».

Дворец построен для летчиков. Говорят, когда-то в этом районе был главный аэродром. Потом появились реактивные лайнеры, летное поле стало тесным, и аэропорт перенесли далеко за город. На старом месте сохранилась только площадка для маленьких аэропланов и вертолетов.

Но управление областного Аэрофлота тоже осталось здесь. А недалеко от управления – и Дворец культуры.

Максимкин отец – не летчик, он инженер на «Строймаше». А мама – завуч в художественном училище. Ну и что? В ансамбле занимаются не только дети летчиков. Где их столько наберешь? Просто приходят ребята, которые живут не очень далеко. А Максим даже и не сам пришел в ансамбль. В марте на уроке пения услышал его суровый на вид дядя с рыжими клочкастыми бровями (все думали, что это инспектор горono). Услышал и грозно сказал после урока:

– А ну, голубчик, пошли со мной. Немедленно.

Максим охотно пошел, потому что сурового дядю он ничуть не испугался, а после пения ожидался диктант.

Они пришли во Дворец культуры, в большую комнату, где стоял трехногий сверкающий рояль. Его поднятая крышка напоминала косой китовый плавник, а клавиши – пасть кашалота. Дядя с клочкастыми бровями начал давить на клавиши и требовать, чтобы Максим голосом повторял их музыку. Это было совсем не трудно, и Максим повторял, только тихо, потому что стеснялся. Потом дядя стал играть песенку про кузнечика, которого сожрала бессовестная лягушка – эту песню все знают. И Максим должен был петь. Наверно, у него не очень получилось. Дядя вдруг оборвал игру, поставил Максима между колен и сказал не сердито, а как-то жалобно:

– Дружище, не смущайся, пожалуйста. Очень прошу. Ты ведь можешь петь. Ты ведь, если откровенно говорить, любишь петь.

Максим слегка осмелел тихонько сказал:

– Ага.

– Дома, когда ты один, ты наверняка поешь. Я в этом совершенно уверен.

Максим осмелел еще больше и ответил:

– Смотря что... Дядя стремительно обрадовался:

– И прекрасно! Здорово? А что ты хочешь? Что любишь? Давай!

Максим вспомнил, что после диктанта еще природоведение, которое он совершенно случайно не выучил. И спросил:

– А можно с гитарой? Я с роялем не могу как-то...

Дядя сорвался с круглой табуретки, умчался из комнаты и тут же вернулся с блестящей гитарой.

– Что будем? Давай...

– Я названия не знаю...

– Ладно, посмотрим. Ты начинай, я подыграю.

Начал Максим, наверное, не очень здорово:

Приглушенно тлеют огни,
И лагерь наш в сумраке тонет...

Но голос его догнала гитара, и стало легче. И песня была такая, что если уж запел, то надо петь как следует. Потому что сразу кажется, что кругом опасность и скоро – в атаку.

В кустах не расседланы кони,
И песня в ночи не звенит...

Дальше Максим и сам не знал, как пел. Но, видимо, голос его звучал чисто и тревожно, потому что слова в песне были тревожно-звонкие:

Средь тонкой ночной тишины
Не дремлют повстанцев дружины.
И как нервы, стальные пружины
В ружейных замках взведены...

Когда песня кончилась, дядя отложил гитару и задумчиво сказал:

– Д-да, любопытно... Это откуда такое произведение?

– У брата слышал.

– Он тоже поет? – быстро спросил дядя.

– Да нет, у него на магнитофоне...

– Ну ладно, Максим Рыбкин. Меня зовут Анатолий Федорович, я руководитель ребячьего хора. И ты, дружище, от меня не сбегай, пожалуйста.

Максим не сбежал. Зачем? По крайней мере можно было петь не стеснясь. Не то что дома, где мог услышать и начать дразниться Андрей. Правда, не все песни нравились, но что поделаешь? Так не бывает, чтобы все на свете нравилось. Зато одна песня, про первый полет, была для Максима самая лучшая. С этой песней он и будет выступать сегодня на телевидении, на концерте, посвященном Дню пионерии.

Хорошо, что с этой песней? Пускай мама с папой не летчики, пускай он сам не летал еще ни разу, даже пассажиром, но раз он поет про летчиков, значит, хоть какое-то, хоть самое маленькое отношение к ним имеет. Значит, пилотку с крылышками носит не зря. Вот так!

Максим посильнее сдвинул пилотку на левый бок и еще раз с удовольствием оглядел себя в зеркале.

Конечно, хорошо, если бы уши были чуть поменьше и не торчали в стороны. И если бы вместо белобрысой коротенькой прически была темная и волнистая – не такая длинная, как у Андрея, но вроде. И если бы губы оказались потоньше, а нос попрямее и с мужественной горбинкой, как у папы. Но нет так нет. В общем-то. Максим и так неплох.

Что ни говорите, а внешность для человека – важная вещь. Именно из-за внешности Максим попал в солисты. Конечно, ему это не говорили, но он догадался. Он случайно слышал

после репетиции, как поспорили Анатолий Федорович и начальница всего ансамбля Алевтина Эдуардовна.

Анатолий Федорович только с виду грозный был, а на самом деле очень добрый. Он на ребят никогда не кричал, даже если баловались на репетициях. Но в тот раз, с Алевтиной Эдуардовной, он разговаривал сердито. Они поссорились из-за Алика Тигрицкого.

– Пожалейте ребенка! – возмущался Анатолий Федорович. – Вы наслаждаетесь его голосом, как конфеткой, а весь хор сбивается и начинает хихикать, когда Алик поет: «Товарищ летчик, возьмите меня, я очень легкий»!

Это была правда. Хихикали. И Максим опять едва не засмеялся за кулисами. Потому что в самом деле – когда Алик, по прозвищу Шеф-повар, со своим круглым, как тугой мешок, животом и похожими на подуш ки коленями выходит к микрофону, под ним поскрипывает сцена.

– Но, дорогой Анатолий Федорович, – ласковым голосом возражала Алевтина Эдуардовна, – ведь у вас хор, а не балет. Прежде всего следует думать о звучании...

– Об искусстве надо думать! – почти зарычал Анатолий Федорович. – Целиком об искусстве! Когда посреди серьезной песни в зале начнется хохот, какое к черту звучание! И каково будет самому Тигрицкому? Нет уж, пускай поет о макаронах – там все на месте: и внешность, и голос, и содержание.

– Но как же песня о полете? Ведь мы все-таки чкаловцы!

– Будет вам песня! В хоре не один Алик с голосом...

Через день Анатолий Федорович оставил Максима после репетиции и осторожно спросил:

– Максимушка... Потянешь «Первый полет»?

Конечно, он знал, что эта песня Максиму больше всех нравится. Максим оробел и застенялся. Шепотом сказал:

– Не знаю... И на концерте?

– Там видно будет. Попробуем?

Первый раз получилось неважно. Потому что подошла Алевтина Эдуардовна и, поджав губы, смотрела на Анатолия Федоровича. Максим сбился...

– Ну ничего, – грустно сказал Анатолий Федорович. – Ничего, Рыбкин. Потом еще... Попытаемся.

Максиму стало жаль его. И он немного рассердился. И сказал:

– А можно еще раз?

Анатолий Федорович торопливо поднял крышку рояля.

– Еще? Ты хочешь?

Максим кивнул и зажмурился. И представил, как ветер качает ромашки на краю летного поля. И какие пушистые белые облака бывают над аэродромом, когда раннее утро... Он так это здорово представил, что пропустил начало.

– Ой, простите. Можно снова?

И опять пошло вступление:

Над травами,
которые
Качает ветер ласковый,
Над кашкой и ромашками
Растет веселый гром...

Это просыпаются разноцветные спортивные самолеты. Летчики прокручивают моторы. А на краю аэродрома собираются мальчишки – те, кто очень хочет в небо. Те, кто часто летает во сне.

Максиму почти каждую ночь снится, что он летает...

Он кончил петь и опять испугался. Не получилось?

Анатолий Федорович улыбался. Он посмотрел на Алевтину Эдуардовну и сказал:

– Э?

Посмотрел на Максима и сказал:

– Э!

И показал большой палец, хотя это, наверно, было непедагогично.

Конечно, голос у Алика гораздо лучше, чем у Максима, тут и спорить смешно. И умения у него больше. И фамилия Тигрицкий для солиста годится больше, чем Рыбкин. Но полет есть полет, если даже он не на самом деле, а в песне. Что поделаешь, если Алик весит килограммов пятьдесят, а Максим в два раза меньше!

И наверное, не только в этом дело. Максиму кажется, что Алику все равно, какую песню петь. Он про макароны и про летчиков поет одинаково. Наверно, Алику никогда не снится по ночам, что он летает. Недаром Алик совсем равнодушно отнесся к новой форме с серебряными крылышками на пилотке.

А форма что надо! Младшему хору завидовали даже старшие ребята. Конечно, не те большущие парни, которые поют басами, а кто перешел в большой хор недавно. Завидовали, хотя получили голубые костюмы с модными пиджаками и расклешенными брюками. Еще бы! Таких пилотов им не дали.

Но конечно, одна пилотка, без формы, выглядит не так хорошо. А мама этого не понимает.

– Надень хотя бы легкую курточку.

Братец Андрей глянул ехидно и выжидательно. Сейчас скажет: «Ну что ты, мама! Какая курточка? Надо, чтобы все блестело. Представляешь, идет наш артист по городу, а прохожие оглядываются: ах, не из тех ли это мальчишек, которые только что выступали по телевизору? Ах, не он ли пел самую главную песню? Подумайте, какой молодец!»

И самое ужасное, что он будет прав. Потому что есть у Андрея скверная способность: он видит младшего брата насквозь

– Ну что ты, мама! – начал Андрей, и Максим съежился в душе. – Какая курточка... На улице уже сплошное лето. Пускай закаляется.

Нет, временами брат бывает вполне порядочным человеком. Мама сказала, что все это скоро кончится ее гибелью, и велела Максиму убираться.

– И не опаздывай к обеду. Пусть хоть в субботу семья пообедает вся вместе, по-человечески.

– Мам, ну как «не опаздывай»? Концерт кончится в час, а в школу – к половине второго. Мне только-только добежать.

– Здравствуй, моя радость! Почему же ты пошел без портфеля?

– А у нас не будет уроков. Будет экскурсия в парк.

– Представляю, как ты отделаешь в парке свой мундир... Не забудь пообедать в буфете.

– Ага... Ой, а деньги?

– Растяпа. Забыл?

– Да не забыл. Просто вчера кончились. Больше нет.

– Нет мелочи? А карманы звенят!

Мама отправилась в комнату и вернулась с Максимкиными школьными штанами и курткой. Тряхнула. Послышалось бряканье.

– Это же не деньги, – торопливо сказал Максим. – Это так... Я вытащить не успел.

И он поскорее начал вынимать из карманов то, что звякало: две гайки, связанные веревочкой, желтый латунный ключ, фотокассету без крышки, старинный пятак и сломанную запонку.

– У всех дети как дети, а у меня Плюшкин, – печально сообщила мама. – Убирай немедленно свои сокровища.

– Уберу, уберу.

Рядом с полкой для обуви стоял картонный ящик. Там по отделениям были разложены у Максима всякие вещи, из-за которых мама называла Максима Плюшкиным.

Вообще-то Плюшкин – это жадина-помещик из книжки «Мертвые души», которую Максим не читал, только по телевизору видел такую пьесу. Было не очень интересно, однако он специально смотрел, чтобы выяснить, похож ли на Плюшкина.

Нет, Максим – не Плюшкин. Тот был сумасшедший скупердяй, а Максим просто жалеет брошенные вещи.

Вот, скажем, совсем небольшая вещь: значок с буквой "Д" и футбольным мячом – «Динамо». Кто-то старался, делал его, а потом он, наверно, висел на груди у болельщика. А затем – раз! – оказался на тротуаре: булавка отвалилась. Думаете, не обидно? Кто бы его пожалел, если не Максим? А булавку еще можно приделать, и значок пригодится кому-нибудь.

Или вот: граненая пробка от графина. Конечно, графин для нее сразу не подберешь, но можно пробку привязать и вертеть. И смотреть сквозь нее. Все вокруг делается расплывчатым, танцующим, а от стеклянных граней разлетаются, как бабочки, разноцветные пятнышки.

Плюшкин никому ничего не давал, а Максиму не жалко. Если вам что-то надо – пожалуйста! И эту пробку, и значок, и подшипник, и колеса от игрушечного грузовичка, и голубую пепельницу с трещиной, и пластмассового солдатика, и мотки проволоки... Лишь бы для пользы. Лишь бы все были довольны: и вещи, и люди.

– Оставь в покое свой утиль и слушай меня, – сказала мама. – Мелких денег у меня нет. Возьми пять рублей и не вздумай потерять сдачу.

– Когда я терял? – слегка обиделся Максим.

– Хорошо, хоть этого за тобой не водится. Но кто знает... Куда ты их положишь?

На форме был только один карманчик – нагрудный. Плоский и тесный. Мама затолкала в него свернутую пятирублевую бумажку и два троллейбусных билета.

– Смотри не вытряхни. А платок куда денешь?

– Зачем он мне? Мам, я побегу!

Мама улыбнулась, взяла Максима за уши, притянула и чмокнула в нос.

– Беги. Желаю удачи.

– Ни пуха ни пера! – крикнул из комнаты папа.

– Жми, старик, – сказал братец Андрей.

Про веселье, страх и смелость

Иногда кажется человеку, что внутри у него тугие струны и звонкие пружинки. Это если за окнами утро, золотое от солнца и синее от неба. И если впереди праздник. И сам ты – ловкий, быстрый и красивый – легко скачешь вниз по лестнице с третьего этажа. Летит за тобой по ступеням пулеметный стук: тра-та-та-та-та! Вот сейчас, сейчас, через полсекунды отскочит от удара ладонями дверь подъезда и кинутся тебе навстречу весенние улицы!

Ура!

Ой, нет...

Ура-то ура, а мама, кажется, была права. Вернуться, что ли?

Но когда взят такой разгон, возвращаться невозможно. Да и примета плохая: удачи не будет. А Максиму сегодня удача нужна до разреза!

Он обнял себя за плечи, постоял посреди двора, встряхнулся. Подышал на ладошки, потер ими ноги, на которых высыпали мелкие пупырышки. Ничего, это с непривычки. Он же не старая бабушка, чтобы ку– таться и дрожать. К тому же на улице, на солнечной стороне, будет, наверно, теплее. Вперед!

И правда, на солнышке было не так холодно. Раз-два, раз-два! И скоро Максим перестал вздрагивать. Он уже не прыгал, а просто бойко шагал, стараясь обходить пушистые тени подстриженных «под шарик» то полей.

На тополях висели длинные зеленые сережки с мелкими семечками. Потом из семечек ползет щекочущий пух и разлетится по городу. Но это еще не сегодня, а когда совсем вырастут листья. А пока листья маленькие, острые. Листиковый детский сад. Даже издалека видно, какие они клейкие и свежие.

На асфальте валялись желтые кожурки от лопнувших тополиных по– чек, похожие на раскрытые клювики. Они тоже липкие. Приклеились к новым Максимкиным подошвам. От этого сандалии перестали шелкать по тротуару. Но все равно Максим старался ступать твердо. И прохожие, кажется, с удовольствием оглядывались на такого смелого закаленного мальчика в необыкновенной форме...

Улица шла под горку. Большие здания кончились, и начинался квартал с деревянными старыми домами. А там...

А там – чтоб он провалился! – на вторых от угла воротах сидел Витька Транзя (сокращенная кличка от прозвища Транзистор). Что-то он там приколачивал – кажется, вертушку.

Да не важно, что он приколачивал, а важно, что сидел и поглядывал по сторонам. И пройти незамеченным не было никакой возможности.

Максим сбавил шаги, сердито вздохнул и... свернул направо.

Конечно, это не очень храбрый поступок. Ну, а что делать? Подлый Транзя обязательно прискребётся. Если бы Максим шел в обычном костюме – тогда еще неизвестно. Может быть, Транзя и поленился бы спускаться с ворот. А увидев Максимкину вишневую форму, обязательно спрыгнет и загородит дорогу.

«Ах ты моя Рыбачка, ах крохотулечка! Какой красавчик! Какая курточка, какие штанишки, какие пуговики... А ну стой, когда старшие с тобой беседуют! Вот так... Ах, какая пилоточка!. Дай-ка примерить...»

И что? Спорить? Бесполезно. Убегать? Стыдно. Стоять и ждать? Пилотку заберет, и неизвестно, что дальше. Может быть, и отдаст, а может быть, на крышу забросит. Да и самого Максима ловкой подножкой кинет в пыль и покатает. А потом сам же поднимет, будет чистить и «жалеть»: «Ах мой бедненький, упал нечаянно...»

У, Транзя ехидная... Чтоб тебя с ворот сбросило!.. Всегда ко всем, кто слабее, привязывается, а к Максиму чаще всех. Подойдет сзади незаметно, одной ладонью рот зажмет, а другой давай волосы выдирать на затылке. Наматает на ноготь – и дерг! А потом ладонью по шее – трах! Катись, мол... И так всюду: и на улице, и в школе.

Максим представил Транзину улыбочку – тонкую и длинную. А глаза, несмотря на улыбку, скучные какие-то. На губе болячка, а лицо будто серой пылью присыпано. Это, наверно, от курения. Транзя каждый день в туалете курит со старшеклассниками. Все про такое дело знают, и ничего ему все равно не бывает. Что с таким сделаешь, если привяжется? Что? Вообще-то Максим знал – что. Не такой уж Транзя сильный, ростом лишь чуточку выше Максима... Но нужна смелость, а Максим – трус.

Никто из людей, пожалуй, не знал про это. Но сам Максим про себя знал, что трус. Себя-то не обманешь. Иногда только забыть про это можно, а потом опять – испугаешься чего-нибудь, и на душе кисло. А делать нечего. Все равно жить надо, раз уж такой уродился. Трусы ведь тоже люди. А жизнь у них нелегкая: трус должен все делать, как нормальные люди, да еще заботиться, чтобы никто не узнал про его боязливость.

Правда, есть надежда, что трусость пройдет. Ведь меняются же у людей с возрастом характеры. Может, и у Максима изменится. Может быть, даже скоро. И тогда Транзя не обрадуется. Максим и сегодня не так уж и боялся. Он, может, и не свернул бы в переулочек, если бы не новая форма.

В конце концов, у него скоро важное выступление. Не может он из-за какого-то Витьки Транзистора портить себе нервы. Не имеет права. У него должно быть веселое настроение... Тем более, что утро такое хорошее. Небо отражается в стеклах, как в темной воде, а солнце отлетает от них горячими вспышками. И надо шагать!

Теперь, кажется, налево нужно повернуть, чтобы потом выйти на улицу Титова, где троллейбусы.

Максим повернул и оказался в переулке, где не бывал ни разу. Не удивляйтесь. Он приехал в этот город недавно, после зимних каникул.

Раньше Максим жил в новом городе, который вырос вместе с большим заводом. Дома там были многоэтажные и в общем-то похожие друг на друга. Улицы прямые, без хитрых поворотов и закоулков. Максиму казалось тогда, что все города такие. А приехал сюда и увидел замечательную пестроту. Корпуса в двенадцать этажей поднимались над бревенчатыми домиками и старинными зданиями из красного кирпича. К этим зданиям лепилось железное кружево балконов. Улица Гоголя мимо нового гастронома и детского сада вдруг выводила к высокой церкви с башнями, куполами и узкими окнами. Правда, в церкви теперь никто не молился, а работала контора «Кинопрокат», но все равно интересно.

Максиму иногда казалось, что в этом городе полным-полно всяких тайн и кладов. И в самом деле, в газете один раз напечатали, что рабочие ломали старый дом и нашли в стене жестяную банку с золотыми монетами. Какой-то купец в давние времена запрятал. Но монеты – ерунда. Наверно, можно и оружие найти, которое с гражданской войны осталось! На чердаках этих старых домов может все что угодно оказаться. Вот бы отыскать маузер или пашку! В музей можно отдать на почетное место. Но не сразу, конечно, а сперва поиграть. Витька Транзя тогда ходил бы тихий, как мышка.

Жаль, что Максим живет в новом пятиэтажном доме, а не в таком вот маленьком и старинном, как этот, где плотники чинят ворота.

Ворота были красивые, большие. На потемневших створках деревянный узор, похожий на солнышко. Но уж слишком они покосились. И наверно, поэтому хозяева решили заменить столбы.

Двое мужчин тюкали топорами, вытесывали из соснового бревна балку.

Максим остановился. Очень здорово блестело отесанное дерево! Как слиток золота. И щепки отлетали тоже золотые. Одна – длинная и широкая – шлепнулась на траву недалеко от Максима.

Максим смело шагнул поближе. Плотники не Витька Транзистор, драться не будут.

– Дяденьки, можно, я возьму щепку?

Плотники распрямились. Один был молодой и хмурый. Он, не выпуская топора, достал пачку «Беломора», щелчком выбил папиросу, вытянул ее губами. Стал нашаривать спички. Другой бросил топор и глянул на Максима. Он был старый, с серебристой щетиной на худом подбородке и вокруг впалого рта. А глаза – синие-синие.

– Ух ты сверчок! – сказал старый дядька, будто очень обрадовался. И заулыбался. Стали видны редкие прокуренные зубы. – Щепку тебе? А чего ж, бери, коли надо, хоть все. Тебе зачем? На растопку, что ль?

– Да нет. Как сабля, – объяснил Максим и помахал рукой.

– Ну бери, бери саблю, воюй, чапаевец!

– Спасибо.

И Максим зашагал, оглядываясь иногда на хорошего старика. Плотники опять стучали по балке, но старший один раз придержал топор и посмотрел вслед Максиму.

А щепка была замечательная. С крепким сосновым запахом, с медными чешуйками коры на одном боку и свежим срезом на другом. Максим шагал, хлопал себя этим срезом по коленкам, и крошечные капельки смолы на миг прилипали к коже.

Узенький тротуар повел мимо низкого забора из некрашенных реек. Здесь выросли уже довольно крупные лопухи. А из лопухов поднимались пыльные стебли прошлогоднего репейника. Большие, выше Максимки.

Максим жалел живые растения, но репейник-то был сухой. Самый подходящий, чтобы испробовать саблю. Максим красиво развернулся и рубанул. Ж-жих! Но толстые стебли оказались словно из проволоки сплетенные. Верхушки только вздрагивали, а не падали. Рраз, раз! Острые края щепки уже затупились, а упрямый репейник стоял, будто смеялся... толстые стебли оказались словно из проволоки сплетенные. Верхушки только вздрагивали, а не падали. Р-раз, раз! Острые края щепки уже затупились, а упрямый репейник стоял, будто смеялся...

– Чего тут расхулиганился? А ну иди отсюда!

Это над забором появилась женская голова. Наверно, хозяйки огорода. Максим увидел турбан волос, обмотанный розовой косынкой, мелкие сережки и злющие глаза. Сначала он вздрогнул, а потом удивился:

– Разве я хулиганю? Я играю.

– «Играю»? Ишь размахался!

Максим пожал плечами.

– Вам разве жалко? Я старый репейник рублю.

– Домой иди и руби что хочешь!

«Дура какая-то», – подумал Максим, но вежливо сказал:

– Это же не ваш репейник. Он на улице растет.

Тетенька в розовой косынке несколько секунд хлопала губами и набирала воздух. Потом взорвалась:

– Ишь!.. «Не ваш»!.. Еще культурный на вид, а какой! Как со старшими... Сейчас собаку отцеплю!

Максим не испугался собаки. Но зачем связываться? Он пошел. Он даже не очень расстроился, а просто думал, какие разные встречаются люди...

Щепка стала зазубренной и теперь не годилась для оружия. Но все-таки было жаль ее – ведь она только что служила саблей.

В конце переулка, где уже виднелась улица Титова и мелькали желто-красные троллейбусы. Максим заметил синюю лужу. Наверное, она осталась от ночного дождика. Вот и хорошо! Пусть щепка станет корабли-ком. На краю тротуара Максим подобрал пустой спичечный коробок. Щепка – это корпус корабля, коробок – штурманская рубка. Счастливого плавания!

От парохода углом разбежались волны, и он ушел к другому берегу. Но Максим на тот берег не спешил. Он сидел на корточках и смотрел в перевернутое небо. Там, далеко внизу, в темно-синем воздухе плыло светлое растрепанное облако. А на краю неба отражался сам Максим. Все такой же ладный и симпатичный – с белым треугольником рубашки в вырезе жилета, с крылышками на пилотке, с алой звездочкой над кармашком.

Звездочку Максим носит последние деньки. Послезавтра на дружинном сборе его примут в пионеры. Многих в классе уже приняли, но Максиму старшая вожатая Римма Васильевна в тот раз сказала:

– Ты, Рыбкин, человек пока новый. Прояви себя в коллективе, а в мае решим.

Максим тогда расстроился: как себя проявлять, он не знал. Но, видно, как-то проявил, потому что сейчас решили принять. Наверно, уж менять решение не станут. Особенно если увидят, как он поет по телевизору...

Максимкины мысли прервала сирена. В переулок на полном ходу свернула «скорая помощь». Жизнь устроена сложно: у кого-то праздник, а у кого-то беда. Максим отскочил от лужи, чтобы не забрызгало. Проводил машину глазами. В кабине рядом с шофером сидела женщина в белом халате и белой шапочке – такой же, как у школьного врача Светланы Сергеевны. Той самой, которая делает ребятам прививки.

Вспомнил Максим Светлану Сергеевну, и тут же его стало грызть беспокойство. Потому что перед весенними каникулами, на уроке чтения, когда настал тот жуткий момент и учительница Софья Иосифовна сказала, что теперь в кабинет врача пойдут Иванов, Стременко и Рыбкин, Максим не выдержал. Он встал и удивительно спокойным голосом сообщил:

– А мне совсем недавно укол делали. В старой школе. Если снова, то, наверно, это вредно.

– Да? – подозрительно сказала Софья Иосифовна. – Тогда об этом должна быть запись в медицинской карте.

– Не знаю. Но мне точно делали. Я еще на другой день в школу не ходил, потому что температура была и болело.

Максим врал с холодным отчаянием человека, над которым висит смертельная опасность. Не было в нем тогда ничего сильнее страха.

Максим боялся в жизни многого. Хулиганов вроде Транзи. Оставаться в пустой квартире поздно вечером. Грозы, когда грохает над самой головой... Но страх перед уколами был особенный.

Всего два раза делали Максиму прививки – в первом и во втором классе. А страх был постоянный. Потому что кто знает, когда следующий раз? Конечно, Максим не всегда помнил о страхе. Но, собираясь в школу, он обязательно думал: «А вдруг сегодня?» И когда видел вдруг, что в школьном вестибюле мелькает белый халат, сразу начинал мучиться: не готовятся ли? И если посреди урока в тихом коридоре начинали стучать каблучки, он вздрагивал. Сразу представлялась медсестра или врач. Она приближалась (стук-стук-стук) неотвратимо, и в руке ее покачивалась блестящая круглая коробка, а внутри коробки-шприцы. Они похожи на громадных комаров с прозрачными брюшками и беспощадными жалами. Когда нажимают на поршень, из жала бьет удивительно тонкая струйка, а потом на кончике иглы повисает капля. А затем... «Ну, голубчик, повернись, не бойся...» Ага, не бойся!

И страшно не только потому, что больно. Хуже всего – жуткое ожидание, тихое звяканье металла, замирание в душе. И неизбежность. Ведь никуда не сбежишь, не спрячешься. И приходится через силу улыбаться и делать вид, что все это-чепуха на постном масле. Потому что есть одна вещь, еще более страшная, чем укол. Насмешки! Если узнают, что трус...

Ехидный, похожий на колючего морского конька Мишка Стременко и так уже который раз подозрительно поглядывает на Максима...

А каблучки: стук-стук-стук... Слава богу, мимо! Но это сейчас мимо. А ведь все равно когда-то настанет момент: «Рыбкин, к врачу»...

И вот он настал.

И Максим не выдержал. Он врал, хотя и понимал, что вранье очень скоро может открыться.

Не открылось. Наверно, поверили. Или забыли про Максима в суете многих дел. Но страх то и дело возвращался: вдруг узнают? Тогда все. Во-первых, неизбежен сам укол. Во-вторых, весь класс будет смеяться. А Римма Васильевна скажет: «И ты, Рыбкин, после такого вранья надеешься стать пионером?»

Впрочем, сегодня в школе Максим почти не будет, потому что экскурсия. Завтра выходной. А послезавтра уже прием в пионеры. Наверняка ничего не успеет открыться. А дальше уже каникулы на носу.

За каникулы Максим подрастет и окрепнет. И воспитает силу воли. И смелость. Он и сейчас уже стал чуть-чуть смелее. Раньше боялся петь перед залом, а сейчас не боится. Ну, если по-честному, то самую капельку. Не боится, а волнуется.

И надо шагать, потому что до концерта не так уж много осталось времени.

Пора! Максим расправил плечи и... Ух ты! Рядом с его сандалией лежала замечательная вещь! Винт с головкой и накрученной гайкой. Длиной с Максимкин мизинец, толщиной чуть побольше карандаша. Прекрасный новый болтик со свежей острой резьбой. Такой для чего хочешь пригодится!

Болтик был полувтоптан в сырую землю. Максим выковырнул его, наскоро отмыл в луже, вытер листом подорожника.

Жаль, что положить некуда. В плоский кармашек на жилете не сунешь: будет проступать под материей да и запачкать может. Ну и ладно! Можно в кулаке нести. Хорошая находка – хорошая примета. Значит, все будет хорошо.

Полет

Максим не бывал еще в тех местах, где телестудия. Но заблудиться было трудно. Телемачта – высотой почти двести метров, и ее видно отовсюду. Можно пешком добраться, а можно и на троллейбусе. Анатолий Федорович объяснил Максиму, что надо проехать всего три перегона, и будет остановка «Телецентр».

В троллейбусе были свободные места, но Максим не сел. Он встал на задней площадке, спиной к окошку, и закинул руки за трубчатый поручень. Солнце сквозь стекло сразу начало припекать Максиму плечи, за окнами побежала назад веселая улица с разноцветными вывесками, большими деревьями и прозрачными стеклами магазинов. Максим немного посмотрел на улицу и стал разглядывать болтик. У болтика была шестигранная головка. На головке – выпуклые цифры «12». А гайка плавно ходила по резьбе – не очень свободно и не очень туго. Ну просто прелесть что за винт! Даже мама, наверно, не скажет, что Максим – Плюшкин, потому что такой болтик кому угодно понравится. ..

На третьей остановке Максим выскочил на солнечный асфальт и сразу же задрал голову. Прямо над ним на страшную высоту взлетала кружевная телебашня. Среди редких белых облаков виднелись ее антенны, похожие на оперения стрел. Вот бы забраться!

Но тебе, пожалуй, заберутся! Башня – за высоким решетчатым забором, в заборе – проходная: красивый домик с двумя окошками и дверью. А у двери стоит широкая тетя в берете со звездочкой, в синей куртке и с большой кобурой. Кобура спускается из-под куртки на двух ремешках – как у военных моряков и летчиков. А под кожаной крышкой (Максим сразу разглядел) торчит круглый металлический затылок рукоятки с кольцом. Значит, наган.

Максим огляделся. А где ребята? Ведь было сказано: собраться у входа. Максим нерешительно шагнул к тете с наганом.

– Извините, пожалуйста. Здесь ребята должны были собраться, чтобы выступать. Вы не знаете?

Тетя обернулась и расплылась в улыбке:

– Еще один! Глянь, какой ладненький. Знаю, знаю, собираются. Велено сразу пропускать, чтоб не ждали. А то некоторые, вроде как ты, раздетые прискакали. Прозяб небось?

Вот тебе и на! Максим и думать забыл про холод. На улице настоящее летнее утро, даже ветерок и тот не холодит.

– Проходи, проходи, чижик, – сказала тетя и слегка отодвинулась. Максим скользнул было в щель между ее круглым боком и дверным косяком. И остановился. Рядом с собой, в небывалой близости, увидел он опять тугую кобуру с торчащей рукояткой.

– А он заряженный? – уважительным шепотом спросил Максим и поднял на тетю серьезные глаза. (Потрогать бы хоть пальчиком! Но нельзя, конечно.)

– Заряженный, – со вздохом сказала тетя. – Если не заряженный, чего тогда таскать зря тяжесть-то?

– А боевыми или холостыми?

Тетя-вахтер опять улыбнулась.

– Холостыми стреляют, когда кино снимают. А у меня пост.

– Это если шпионы полезут? – догадался Максим. Потому что в самом деле, если пролезут диверсанты да рванут телебашню, сколько железа посыплется на соседние кварталы! Все дома порасшибает!

– У меня не пролезут, – успокоила тетя и погладила кобуру. – У меня даже таракан не пролезет, не то что шпион. А хорошим людям – всегда пожалуйста... Ну, беги в дом, грейся, а то вон коленки-то синие...

– Вовсе не синие, – снисходительно объяснил Максим. – Это немного смола прилипла от щепки.

И он запрыгал через двор на одной ноге, а вторую поднял, чтобы помусоленным пальцем оттереть пятнышки смолы. А потом не стал. Все равно сразу не ототрешь. Да смола ведь и не грязь. Ею даже, говорят, ревматизм лечат...

В вестибюле студии было уже полным-полно народа. И девчонки из хореографической группы, и длинноволосые, как Андрей, парни из старшего хора, и ребята из оркестра – с большими футлярами, где лежат всякие инструменты. И конечно, народ из «Крылышек».

Мама была права: большинство пришли в плащах, куртках или спортивных костюмах. Но Максим тоже был немножко прав: кое-кто заявился так же, как и он, – не побоялись, что озябнут. И не только ребята из «Крылышек». Вон прислонился к стенке круглолицый сероглазый мальчишка в такой же, как Максимкина, форме, только не в вишневой, а зеленовато-голубой. Значит, из музыкантов.

Небольшой, не старше Максима, а играет в оркестре! Интересно, на каком инструменте? Может, спросить? Нет, неловко почему-то.

Хотел Максим побежать к своим, из хора, но увидел, что мальчик-музыкант смотрит на него. Потом оттолкнулся от стенки, подошел к Максиму, голову набок наклонил и спросил:

– Тебя как зовут?

Глаза у него были веселые. Максиму понравилось, что он просто так вот подошел и, спросил. И он ответил поскорее:

– Максим...

– Максим, купи слона.

– Какого... слона?

Лицо у мальчика стало слегка грустным. Он вздохнул:

– Все говорят «какого слона»... А ты купи слона!

Глаза у него сделались хитроватыми.

«Игра такая!» – догадался Максим. Но не стал показывать, что догадался. Потому что незнакомый мальчик ему нравился и сделалось весело.

– Я бы купил... – начал он.

Мальчик опять вздохнул и перебил:

– Все говорят «я бы купил». А ты возьми и купи.

"Вроде «белого бычка», – подумал Максим. Но тут же почувствовал, что не совсем «вроде». Потому что представился ему слон – большой и печальный. Он стоял где-то, привязанный за ногу к толстому столбу, и никто не хотел купить беднягу. Все только отговаривались.

– Если денег хватит, – серьезно сказал Максим.

– Все говорят «если денег хватит». А ты не считай – возьми и купи!

– А в квартиру влезет?

Мальчик понимающе улыбнулся.

– Все спрашивают: «В квартиру влезет?» А ты просто возьми и купи.

– Ладно!

– Все говорят «ладно»! А ты...

И тут принесло Маргариту Пенкину – старосту хора «Крылышки».

– Рыбкин! Где ты бродишь? Анатолий Федорович всех уже собирает! Распеваться пора!

– Ой-ёй-ёй! – насмешливо сказал Максим, чтобы мальчик из оркестра не подумал, будто он боится Ритку. – Где это я брожу? Наверно, за сто километров!

Он попрощался с мальчиком глазами и пошел за Пенкиной. Они шагали длинным коридором, и Максим смотрел, как на Риткином затылке прыгают белые с черными горошинами банты.

– Пенкина, купи слона, – сказал он.

– Да ну вас! – бросила она, не обернувшись. – Все с ума посходили с этим слоном. И так переживаешь из-за концерта, а они еще...

Подумаешь, переживает. Может, Максим тоже волнуется, только не кричит об этом в коридоре.

Они пришли в комнату, где собрался хор «Крылышки». Оттого, что на всех стенах были зеркала, казалось, будто народу здесь целая тысяча. Толпились, переговаривались, смеялись, ойкали от случайных и неслучайных толчков локтями. Те, кто пришли тепло одетые, укладывали теперь свои пальто и куртки на длинные столы. Вот будет потом неразбериха!

Алик Тигрицкий стащил через голову мохнатый громадный свитер и весело повернулся к Максиму. Он совсем не злился, что Максим будет вместо него петь песню про полет.

– Рыбкин, купи слона!

– Да я уже знаю, – сказал Максим.

– Все говорят «да я уже знаю»... – обрадовался Алик. И тут раздался голос Анатолия Федоровича:

– Друзья! Минутку внимания! Скоро начинаем. А пока – подготовимся...

И тогда у Максима и вправду от волнения засосало внутри.

Студия не похожа была на зрительный зал дворца. Вместо сцены – ступеньки и маленькие помосты разной высоты. Вместо стульев для зрителей тоже ступени – полукругом, как ряды на стадионе. Там уже сидели ребята в пионерской форме – зрители из разных школ. Ребят из ансамбля посадили вперемешку со зрителями. Под потолком включили целые шеренги прожекторов. И еще прожектора – большущие, на длинных ногах. Их стекла были затянуты марлей, а то, наверно, можно было совсем ослепнуть.

Операторы катали по полу тяжелые камеры на высоких, похожих на столбы подставках. За камерами извивались черными змеями кабели. Опять появился Анатолий Федорович.

– Эй, «Крылышки»! Полетели на сцену!

Что? Уже? Максима даже слегка затошнило от волнения. Но это была пока репетиция. Даже не репетиция, а прикидка: где кому стоять и сидеть. Оказалось, что хор не будет выстраиваться в три шеренги, как обычно, а ребята рассядутся вразброс на ступеньках и больших фанерных кубиках.

– Так будет естественнее, – сказала Анатолию Федоровичу кудрявая девушка с микрофоном на груди. Анатолий Федорович нахмурил дремучие брови.

– Непривычно это. Что ж заранее не сказали?

– Ну, вы такие молодцы! Справитесь! Справитесь, ребята?

«Крылышки» радостно завопили, что справятся. Сидеть было интереснее, чем стоять рядами.

– Порепетировать бы, – сказал Анатолий Федорович. Но девушка с микрофоном торопливо объяснила, что репетировать уже некогда: «Осветители и так затянули подготовку, и время поджимает».

Анатолий Федорович посмотрел ей вслед и позвал Алика и Максима.

– Ну что, коллеги? Страшновато?

Алик помотал головой. Солист Тигрицкий имел большой опыт и никогда не волновался. А Максим сказал:

– Маленько... Ох...

– Ничего, ничего. Вы уж не подведите... А то и так все через пеньколоду... Э, Максимушка, у тебя что с рукой?

А было не «с рукой», а «в руке». Болтик. Максим так его и носил в кулаке. Он разжал пальцы и показал находку:

– Некуда положить.

Ладошка была вспотевшая, красная, со следами смазки и рубчиками от резьбы.

Анатолий Федорович покачал головой. Вытянул из кармана платок и начал вытирать Максимкину руку. А потом и болтик.

– Это что? Талисманом запасся, чтобы не бояться? Э?

– Да нет, просто нашел. А куда девать?

– Ага! А я думал, это у тебя амулет, для храбрости. Ты с ним петь собираешься?

– А можно?

– Ну... можно, наверно. Только ты уж постарайся.

Максим кивнул... и почувствовал, что волнение прошло. Сделалось спокойно, уютно и даже чуточку спать захотелось. Наверное, от тепла. Разные светильники и прожекторы так нагрели воздух, что стало как летом на черноморском пляже. Максим с сочувствием поглядел на старших ребят: как они жарятся в своих костюмах...

«Крылышки» опять рассыпались по зрительским местам. На площадку перед камерами выходили другие группы. Тоже что-то прикидывали, о чем-то спорили.

Наконец откуда-то сверху донесся радиоголос: «Всем внимание! Сейчас начинаем!»

Старший хор – в голубых пиджаках и клешах выстраивался на площадке.

Вышла вперед незнакомая женщина – молодая, в красивом пушистом свитере. Улыбнулась и заговорила отчетливо и весело:

– Дорогие ребята! Уважаемые телезрители! Сегодня в нашем концертном зале выступают юные артисты: певцы, музыканты, танцоры. Конечно, это пока не настоящие артисты, это такие же ребята, как вы. Просто они очень любят петь, плясать, играть на музыкальных инструментах. А учатся этому они в своем пионерском ансамбле...

Появилась ведущая – пятиклассница Светка Данилевская. И в навалившейся тишине голос ее был очень звонким:

– Выступает детский музыкально-хореографический ансамбль Дворца культуры имени Чкалова!..

Потом еще минут пять: кто художественный руководитель, кто концертмейстер, кто дирижер, кто композитор... Наконец старшие запели.

Максим назубок знал их программу и потому не очень слушал. Больше следил за операторами у камер. Иногда камеры поворачивались к зрителям. Значит, сейчас Максима видят в телевизорах! Мама видит, папа, Андрей. И ребята...

Максим старался изо всех сил сидеть солидно, а болтик покрепче стиснул в кулаке.

Хор спел две песни про космонавтов, потом про «Зарницу». После этого на площадке появился оркестр. Точнее, не весь оркестр, а несколько человек – самых младших. С трубами, флейтами и барабаном. Серебряный контрабас был таких размеров, что совсем упрятал под собой мальчишку-музыканта. Лишь ноги торчали да голубая пилотка. Барабан тоже оказался великанским. Однако и девчонка-барабанщица была не маленькая – худая, но высокая, выше всех.

А впереди оркестра встал тот мальчик, что встретился в коридоре: «Купи слона...» Он держал медные тарелки. Лицо у мальчика было серьезное. Но Максиму показалось, что за серьезностью прячется хитроватая улыбка: «Это я на первый взгляд такой спокойный, а вот как возьму да гряну...» Максим тихонько засмеялся и постарался встретиться с мальчиком глазами. Но тот стоял будто в строю – сдвинул пятки, опустил руки и глядел прямо перед собой. Ну и пусть. Все равно он с Максимом немножко знаком, и Максим рад, что выступает такой хороший человек. Жаль, что они раньше не встречались. А как встретишься? Хор и оркестр занимаются в разные дни...

– Старинная мелодия! – объявила Данилевская. – Марш отдельного Кубанского пластунского батальона «Морской король»! Исполняет младшая группа духового оркестра! Дирижер Евгений Сергеевич Кочкин!

Евгения Сергеевича можно было бы звать просто Женей: он оказался чуть постарше Максимкиного брата Андрея. Евгений Сергеевич легко вспрыгнул на площадку и поднял руки. Маленький музыкант с тарелками покосился на дирижера и чуть-чуть улыбнулся. Они заиграли.

Марш был красивый. Местами немного печальный, но все равно боевой. Он Максиму очень понравился. А больше всего понравилось, как мальчик ударял тарелками. Грянет, потом широко разведет и плавно опустит руки. Он был почему-то без пилотки, и после каждого удара у него от толчка воздуха торчком вставал отросший русый чубчик.

Максиму хотелось, чтобы марш звучал долго-долго. Но, что поделаешь, он кончился. И тогда Максим захлопал вместе со зрителями изо всех сил. Жаль, что мальчик с тарелками не посмотрел на него: наверно, не заметил среди многих мальчишек и девчонок.

Ребята из танцевальной группы сплясали «Тройку», и наступила очередь «Крылышек». Народ в вишневых пилотках отовсюду стал сбегаться к площадке и усаживаться, как договорились. Получилось шумно и даже бестолково. «Неужели весь этот кавардак видно на экранах?» – с беспокойством подумал Максим. Наконец расселись. Три большие телекамеры смотрели на них темными выпуклыми стеклами. На одной камере над объективом горела красная лампочка. Значит, эта камера как раз и работает. Максим старался на нее не смотреть. У него опять от волнения зануло внутри. Но тут он сообразил, что песня о полете еще не сейчас. Есть время, чтобы собрать всю смелость. Рядом с камерой, так, чтобы не попасть на экраны, встал Анатолий Федорович. Опять бойко затопала к микрофону Светка Данилевская.

– Выступает хор «Крылышки»! Художественный руководитель и дирижер Анатолий Федорович Вершков.

Зрители захлопали, а хор смотрел на Анатолия Федоровича. Тот незаметно кивнул, поднял руку: внимание...

Сначала вместе, без солистов, спели «Кузнечика»: как его слопала лягушка. Потом Алик пел свои «Макароны». Это шуточная песня, как один итальянец очень хочет похудеть, но ничего не может с собой поделать: больше всего на свете он любит вкусные макароны и, как увидит, сразу на них набрасывается.

Алик пел здорово, смешно. Зрители долго хлопали и веселились. А Максим понимал, что вот наступает и его минута. И даже ноги ослабели.

«А ну, прекрати, – сказал он себе строгим маминым голосом. – Прекрати сию же минуту. Изволь держать себя в руках!»

И это немножко помогло. Потом он увидел, как ему улыбнулся Анатолий Федорович, и эта улыбка тоже помогла. В самом деле, чего нервничать? На репетициях-то он пел нормально. А здесь что? Ребят не так уж много, зал меньше, чем во дворце. Будто в комнате поешь. А про камеры не надо думать, вот и все...

– «Песня о первом полете»! Солист Максим Рыбкин!

Ух ты, как стало тихо! Почему это? Или только так кажется? Ну ладно...

Максим поднялся, сжал в кулаке болтик и храбро пошел к микрофону. Правда, по пути он зацепил ногой фанерный кубик, на котором сидела Пенкина, и чуть не потерял равновесие. Но не потерял. Никто и не заметил, наверно, как он споткнулся.

Микрофон был похож на черную решетчатую грушу. Груша торчала на блестящей палке – как раз на уровне Максимкиного подбородка. Максим не стал подходить к микрофону вплотную: чего он будет прятаться за него от камер? Анатолий Федорович кивнул ему: «Правильно».

Максим встал прямо-прямо и опустил руки. Не будет он руки держать за спиной, как Алик. Не о макаронах поет, а о летчиках... Интересно, правильно ли сидит на голове пилотка? Сейчас уже не проверишь... Не сбиться бы... Главное, как запоют, сразу представить поле и

самолеты. Ну а как же иначе? Он сразу и представит. Небо, облака, траву, легкие разноцветные аэропланы. И себя недалеко от машины с серебристыми крыльями.

Зазвучал рояль. И вот уже началась песня. Но это еще не его, не Максимкины, слова. Пока поет хор:

Над травами,
которые
Качает ветер ласковый,
Над кашкой и ромашками
Растет веселый гром:
С рассветом просыпается,
Под крыльями качается
Наш маленький
учебный
городской аэродром.

Пока еще сигнала нет
От строгого диспетчера,
Пока пилоты прячутся
От солнца под крылом,
Мальчишка в синей маечке,
Дежурным не замеченный,
В траве стоит, не двигаясь,
И взглядом просит он...

Максим для убедительности еще крепче сжал болтик. Глянул поверх голов зрителей. Прожекторы светили в глаза и грели, как летнее солнце. Максим слегка прищурился и запел:

Товарищ летчик!
Ну что вам стоит?
Я жду уже три недели...
Ведь это совсем-совсем простое
Для вас, для летчиков, дело.
Мне очень надо подняться в небо -
Я летчиком тоже хочу быть,
А в небе ни разу, ни разу не был...
Возьмите,
сделайте чудо!

Он пел, и ему уже казалось, что он в самом деле просит летчиков, чтобы взяли в полет. И если будет просить очень убедительно, изо всех сил, тогда, может быть, и в самом деле случится чудо.

Ведь я не прошусь ни в тайгу,
ни на полюс,
Ни в жаркие страны далекие.
Мне лишь на минуту взлететь над полем...
Возьмите!

Я очень легкий!

И потом, как последний, отчаянный довод:

Ведь я ничуть не боюсь высоты,
Я прыгал два раза с крыши!..

И тихо. На секунду тихо. И каждый раз, когда Максим кончал на этих словах, он чуточку боялся: возьмут? Он знал, что возьмут, и все равно с напряжением ждал, когда хор совсем развеет тревогу. И хор закончил песню:

Рванули на клочья
воздух
винты,
Прижались от ветра трава и кусты:
Машина с мальчишкой рванулась -
все выше!
Выше!
Выше...
Выше...

Песня затихла постепенно и плавно, как затихает звон мотора, когда самолет уходит к горизонту.

И стала нарастать тишина. Какая-то удивительно плотная тишина и очень долгая. Что же это? Так и будет? А что теперь делать?

И вдруг кто-то хлопнул. И еще! И сразу рванулась, понеслась трескучая река аплодисментов, и Максим в первую секунду испугался даже больше, чем тишины. Не так уж много народа, откуда же столько шума? Хлопают, хлопают. Кто-то даже крикнул: «Молодцы!» Как в хоккее. Максим растерянно оглянулся на хор. Ребята стояли и тоже хлопали. Подошел и встал рядом с Максимом Анатолий Федорович. Взял Максима за плечо. Максим глянул на него удивленно и вопросительно. Алексей Федорович улыбнулся ему мельком, потом стал смотреть в зал и несколько раз поклонился. Быстрыми шагами подошла красивая женщина в пушистом свитере – та, что открывала концерт. Нагнулась сбоку над Максимом.

– Тебя зовут Максим? Поздравляю, Максим, ты хорошо пел. – И, выпрямившись, спросила: – Верно, ребята?

Аплодисменты опять налетели, как шумный ветер. А когда приутихли, она спросила:

– Тебе нравится петь?

– Ага... – сказал он сипловато от смущения. И поправился: – Да, нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.